

му чувство иностранного наблюдателя, находящегося в обществе англичан, можно описать известной британской поговоркой like a cat on hot bricks (как кот на горячих углях). Принцип жизни англичан to stew in one's juice (вариться в собственном соку) также нашел свое отражение и в отношении знания других языков. «Считая себя в праве не говорить ни на одном языке, кроме собственного, англичане честно признают за иностранцами право говорить по-английски плохо. Тем не менее, они никогда не сочтут долгом отметить, что вы владеете их языком хорошо. С другой стороны, англичане никогда не будут упрощать свою речь, как это часто принято у других народов в беседе с иностранцами. Они даже не допускают мысли о том, что их родной язык может быть кому-то непонятен» [1].

«Коварный Альбион», по мнению многих наблюдателей, скрывает свое самолюбие, свой огромный комплекс превосходства. Англичане всегда первыми ругают себя, чтобы опередить критиков со стороны.

Осознание британцами наличия данной антиценности в комплексе черт характера можно обнаружить, обращаясь к изречениям великих английских деятелей. Писатель, эссеист Олдос Леонард Хаксли, отмечая присутствие данной черты в национальном характере своих соотечественников, говорил следующее: «Как замечательны, интересны, оригинальны люди на расстоянии». Писателя Оскара Уайльда, по-видимому, данная тематика волновала особо остро, так как он очень часто отражал ее в своих изречениях. Приведем в качестве примера несколько из существующих: 1. «Кроме самого себя, словом перемолвиться не с кем»; 2. «Я вовсе не хочу знать, что говорят обо мне за моей спиной. Я и без того о себе достаточно высокого мнения». Писатель, поэт и путешественник Роберт Льюис Балфур Стивенсон отношение англичанина к иностранцу описал так: «Англичанину иностранец может показаться забавным, но снизить до того, чтобы изучить иностранца, — никогда».

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинников В. В. Сакура и дуб. Киев, 1987.
2. Сухарев В. А., Сухарев М. В. Европейцы и американцы глазами психолога. Мн.: «Беларусь», 2000.
3. Тер-Минасова Т. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Издательство «Слово», 2000.
4. Толстой Л. Н. Война и мир // Собр. соч.: В 22 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1.

*Гульнара Фадыховна РОМАШКИНА —
доцент кафедры математики
и информатики Тюменского
государственного нефтегазового
университета, кандидат физико-
математических наук*

МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ЭКСТРЕМИЗМА К СОГЛАСИЮ

Либерально-реформаторский проект, победивший в начале 1990-х годов и ставший основой государственной политики в последующее десятилетие, привел к резкой поляризации общества в экономическом и политическом отношениях. Борьба по

поводу разных интерпретаций причин кризиса и, соответственно, путей выхода из него стала идейным обрамлением борьбы за власть и за доступ к распоряжению национальными ресурсами.

Столкновение разноплановых экономических и идеологических интересов, возникших на развалинах прежней системы, стимулируемое радикальной приватизацией, сопровождалось, с одной стороны, созданием новых возможностей политической и экономической мобильности активного меньшинства и, с другой, — реальным обнищанием значительной части населения. Все это породило новую конфигурацию конфликтов, которые приобрели многополюсный и многоаспектный характер. Сильнейшим толчком к развитию экстремизма в российской региональной политике стал лозунг, озвученный Ельциным в 1991 году о том, что регионы могут брать столько суверенитета, сколько хотят взять.

Действительное осмысление новой ситуации предполагало осознание именно этой многополюсности конфликта. Однако каждый из действующих в поле политики субъектов видел только свое собственное положение и был озабочен собственными интересами. «Интересы общества в целом» оказались лишенными своего «носителя» и «выразителя». Общество как целое (страна) перестало быть актором, субъектом действия. Такой поворот событий теоретически оправдывался отрицанием самого существования общественного интереса с помощью последовательно либеральных теорий.

На первый план в политической и экономической практике выдвинулись такие установки, как захват власти («суверенитета») на местах вплоть до устранения государства, а также формула — «разрешено делать все то, что не запрещено законом». Инициаторы реформ как коллективный актор, проиграв на поле экономики, выиграли на поле политики. Приобретенный политический капитал они смогли вновь обратить в экономический и административный ресурс, используя именно ситуацию многополюсности конфликта в своих интересах.

В целом новый региональный субъект — активное меньшинство, экономическая и политическая региональная элита, слой олигархов, срастающихся с высшими звеньями государственной бюрократии, — был создан. Но этот субъект действовал отнюдь не в интересах населения страны, не в интересах консолидации общества.

Результатом его деятельности стала следующая схема функционирования российской экономики: «экспорт сырьевых ресурсов — получение валютной выручки — эмитирование рублевого эквивалента — выдача рублевого содержания населению (подчеркиваю, не заработной платы, а именно содержания) — приобретение населением на полученные деньги предметов потребления (в значительной своей массе иностранного происхождения!) — конвертация полученной выручки в устойчивую валюту — уход последней на западные счета» [1].

Каждый компонент этой схемы — а ее можно назвать схемой российских производственных отношений — представляет собой определенную нишу деятельности значительных групп нового господствующего класса. Вместе с тем, каждое ее звено — это не только поле конкурентной борьбы, но и рычаг дальнейшей имущественной поляризации общества, углубления пропасти между «адаптировавшимися» и «неадаптировавшимися» к новым условиям.

Верхний, доминирующий класс как целое заинтересован в сохранении этой схемы, которая начинается вывозом сырья и завершается вывозом капитала. Она обеспечивает рост благосостояния вовлеченных в данную схему слоев, но в ней отсутствуют источники экономического роста. Эта схема иллюстрирует с достаточной убедительностью взаимодействие всех макро-, мезо- и микроуровней общего социального действия. Вывод, который следует из нее применительно к теме настоящей конференции, состоит в следующем.

Основные акторы, действующие на российской сцене как в центре, так и в регионах, расположены на трех перекрещивающихся между собою уровнях: в макро-, мезо-, микро. В этой связи уместно использовать термин «социальное пространство».

На макроуровне в качестве основных акторов выступают государство, политические партии, политические и экономические элиты, группы интересов (например, «олигархи»). На протяжении последнего десятилетия макросубъекты находились в отношении конфронтации как друг с другом, так и внутри себя. Каковы бы ни были исторические причины российского кризиса, именно эта конфронтация являлась главным механизмом его углубления. Макро-, мезо- и микроуровневое расположение субъектов регионального управления следует понимать как попытку соединить общесоциетальный, институциональный и собственно социологический подходы. Удачное осуществление этой попытки позволяет представить достаточно полную картину трансформационных процессов в российском обществе.

Личная ситуация на микроуровне становится благоприятной и даже улучшается в том случае, если актору удастся найти свое место в данной экономической схеме. Но схема «вывоз сырья — вывоз капитала» не является схемой развития, постольку вовлекает в свое функционирование весьма ограниченную часть общества. В ней нет места расширению отечественного промышленного производства, стимулированию применения высоких технологий, наукоемким производствам, постоянной политике расширения рабочих мест. Поэтому усилия инициативных личностей на микро- или мезоуровне не разрешают кризисную ситуацию в масштабе страны. Самое большее, состоят в использовании в личных или групповых целях коммуникативных узлов данной схемы. В этом случае соответствующие группы становятся не только элементами ее функционирования, но и силами ее поддержания и воспроизводства. Однако такие интересы не консолидируют общество в целом, а ведут к углублению его латентных конфликтов.

В монографии Шнипера все многообразие взаимодействующих экономических и социальных интересов, с которыми чаще всего встречается практика регионального управления, сводится в три интегральные группы:

- 1) отраслевые интересы;
- 2) региональные интересы, связанные с обеспечением комплексного развития системы;
- 3) интересы производственных объединений и предприятий [2, с. 18].

В контексте изложенного выше следует добавить интересы гражданской составляющей социума, без которой невозможно обеспечить рациональность действий управляющих структур. В этом смысле интересы, связанные с условиями совместимости общественных структур, служат ограничениями власти.

Социальное согласие в теоретическом плане начинается с формирования концепции целостного регионального субъекта. Реальность такова, что конфликты неэффективны. Развитие производительных сил нельзя рассматривать в отрыве от интересов и целей социальных акторов. На современном этапе реформ важнейшей проблемой является повышение эффективности управления. Речь идет о повышении эффективности всех компонентов системы управления, всех ее сфер деятельности — производственной, экономической, социальной, правовой, экологической подсистем, всех функций, методов и структуры управления.

С другой стороны, управление никогда не сможет стать логическим автоматизмом. Результативность и рациональность управленческих технологий пока еще невозможно социологически оценить, ибо неизвестно их значение для общества в целом. С этих позиций, эффективность управления представляется некой абстрактной, модельной постановкой проблемы. Однако потребности практики приводят к необходимости формулировать модельные задачи.

Эффективное управление на региональном уровне органически связано с эффективностью регионального развития и отражает объективную историческую миссию системы управления — создать благоприятные организационно-экономические условия для реализации целей и задач управляющей системы на основе научно-технического и организационного развития при условии сохранения и эффективного использования природных ресурсов. Эффективность управления регионом по своему экономическому содержанию шире, чем эффективность регионального развития. Последнее отражает задачу эффективного использования вовлеченных в систему хозяйствующих субъектов и природных ресурсов. Эффективность управления, кроме производственных и ресурсных факторов, характеризует социальные факторы, которые в данном случае носят характер внешних. Сущность этих категорий заключается в том, что они проявляются в снижении общественно-необходимых затрат в расчете на единицу полезного эффекта. Эффективность управления подразумевает толерантный характер развития региональных интересов, сглаживания или хотя бы ослабления конфликтного поля.

В процессе проведения реформ проблемы повышения эффективности управления «растворились» среди проблем получения сиюминутной выгоды. Стало очевидным, что взаимосвязь между повышением эффективности производства и организацией управления имеет не только причинно-следственное, но и функциональное содержание. Одной из причин снижения эффективности управления региональным развитием можно назвать нарушение целостности системы управления региональным развитием. Отношение целого (макроуровня) и его частей (микро- и мезо- уровней) определяет в конечном счете то основное противоречие, которое может привести к неудержимому развитию производительных сил, но которое вместе с тем является носителем разрушительного потенциала для системы управления регионом.

Если на пути разрастания основного противоречия не установить институциональной преграды, его критическая масса может вызвать социальные катаклизмы со всеми вытекающими последствиями. Ориентация управленческой практики на преодоление кризиса вызывает необходимость совершенствования методов оценки эффективности управления регионом (эффективность целостной системы управления). Сущность целостной региональной системы заключается и в том, что она независима в финансовом отношении от внешних условий при решении проблем регионального развития. Она является не только самовоспроизводящейся, но и саморазвивающейся системой и, следовательно, наиболее адаптивной, гибкой, зрелой формой экономических систем. Особенностью целостной региональной системы является наличие всеобщих системных свойств, признаков, характеристик. Эффективность управления необходимо рассматривать как эффективность целостной системы управления. Эффективность управления не следует видеть в проявлении эффективности отдельных подсистем управления, какими бы значительными они ни были. Эффективность управления необходимо определить как результат процесса управления по достижению цели системы управления. Очень многое при определении эффективности управления зависит от правильного понимания содержательной стороны категорий «управление», «система», «организация», «организационная структура».

Проблема согласия и толерантности на региональном уровне управления встает как субоптимизация (оптимизация на уровне объективной реальности) интересов всех регионов на уровне России. Целью субоптимизации выступает повышение эффективности управления регионом.

Понятие эффективности нельзя рассматривать в отрыве от понятия целей и интересов субъектов управления — акторов. С позиций анализа действий собственно региональное управление, с одной стороны, выступает проводником общероссийских

интересов, с другой стороны, является субъектом управления с учетом интересов региона. Жесткая система управления менее эффективна, ибо ограничивает свободу низовых органов управления, что, в свою очередь, ведет к нарушению саморегуляции системы и потере принципа обратной связи. Региональное управление как раз и призвано устранить указанные недостатки.

Главным критерием эффективности работы нужно рассматривать степень удовлетворения социально-экономических потребностей проживающего на данной территории населения на основе устойчивого развития региона. Региональное хозяйство как мезоуровень не может быть обречено на ликвидацию, в отличие от предприятия. При наличии неблагоприятных обстоятельств нарушается нормальное воспроизводство экономических, демографических, природных, социальных и политических процессов, что проявляется в депрессивности региона. Соответственно комплекс антидепрессивных мер должен входить в структуру политики региона.

Таким образом, к наиболее значимым параметрам, которые можно считать индикатором региональных интересов, можно отнести:

- соответствие уровня и образа жизни населения существующим стандартам;
- наличие региональных материальных, бюджетно-финансовых и прочих источников накопления;
- наличие инфраструктуры для развития внутри- и межрегиональных связей;
- емкость использования материальных и нематериальных ресурсов;
- природоресурсное и экологическое состояние региона;
- стабильность общественно-политической и национально-экономической ситуации;
- внутреннюю структурированность гражданской сферы управления (конвенциональные организации и организационные объединения).

Исходя из этого, целью исследования управления социальными процессами в регионе средствами моделирования является обеспечение его устойчивого развития, формирование целостной структуры управления регионом, подразумевающей согласование во многом противоположных целей подсистем и различных акторов. Разработана оригинальная комплексная модель изучения, прогнозирования и управления производственной структурой, профессионально-квалификационной, социально-демографической и социально-стратификационной структурой населения региона, потребительского рынка и коммуникативно-информационных связей, а также управленческо-административной структуры региона.

Автором был проведен экспертный опрос (осень 2002 г., выборка 186 респондентов; 46% экспертов работает на региональном уровне властных структур, 23% — на федеральном, 31% — на местном уровне власти; распределение групп экспертов по ветвям власти: законодательная / представительная — 35,5%; исполнительная / административная — 49%; судебная — 15,5%) с целью адаптации и дальнейшей апробации указанной выше технологии с оценкой как концепции в целом, так и каждого блока в отдельности. Отбор экспертов проходил фактически по всем департаментам Тюменской областной администрации и отделам областной Думы, а также среди представительств федеральных структур в Тюменской области.

Эксперты в целом положительно оценили саму концепцию методики; особое внимание они обратили на следующие проблемы: наличие актуальной потребности в информации не столько оперативного уровня управления, сколько прогнозных оценок возможных последствий управленческих воздействий; наличие «колоссальной нестыковки» между уровнями власти (информационная, технологическая, финансовая); наличие чрезвычайно высоких межведомственных барьеров внутри самих администраций, во взаимодействии с отраслевыми управленческими структурами; отсутствие прозрачности информационных потоков.

Таблица 1

Распределение групп экспертов (%)

Возрастной диапазон групп экспертов						
До 30 лет	30-34 года	35-39 лет	40-45 лет	45-49 лет	50-55 лет	Свыше 60 лет
3,2	16,1	22,6	12,9	16,1	25,8	3,2
Занимаемые должности						
Депутат	Директор департамента, прокурор	Зам. директора, зам. прокурора	Начальник отдела	Зав. сектором	Главный специалист, специалист, следователь	Инструктор, советник, помощник, адвокат
11,3	9,7	19,3	25,8	9,7	17,8	6,4
Образование (высшее)						
Техническое	Юридическое	Экономическое и/или менеджер	Гуманитарное	Техническое и гуманитарное	Техническое и экономическое	Юридическое и гуманитарное
9,7	9,7	22,6	41,9	6,5	6,5	3,2
Стаж работы в данной организации						
До 5 лет		5-10 лет		11-15 лет		Более 15 лет
38,7		35,5		19,4		6,5

Основные выводы по опросу:

1. До сих пор ни один из акторов, действующих на общероссийском поле, не оказался в состоянии сформулировать общенациональную программу преобразований с доминированием конструктивных целей.
2. Приметой дня сегодняшнего становится обращение акторов к идеям социального согласия, поскольку эффективное управление и устойчивое развитие невозможно реализовать в социально-конфликтной среде.
3. Результаты экспертного опроса показали, что в абсолютном большинстве случаев (54,8%) эксперты отмечают, что территориально-экономический принцип деления на регионы в наибольшей степени соответствует российской действительности.
4. Субъекты управления законодательной ветви власти оценивают существующую ситуацию по обеспечению устойчивого развития региона и степень поляризации взаимоотношений «регион» — «центр» в среднем ниже на одно отделение шкалы, чем субъекты управления исполнительной ветви власти. Эксперты оценили степень поляризации как «высокую» (законодательный уровень — 32%) и «очень высокую» (исполнительный уровень — 47%), тогда как поляризации во взаимоотношениях мезоуровня — федеральный округ, регион, муниципальный уровень — как низкую и практически несущественную.
5. Субъекты управления считают, что никакие внешние причины не могут помешать им выполнить все необходимые шаги по обеспечению административных функций управления, кроме выполнения конкретных задач — обеспечения правопорядка и безопасности населения (так считают представители исполнительной ветви власти — 48%); поддержки конвенциональных (добровольных) объединений и повышения роли основных социальных групп (так считают представители всех ветвей власти — 52%). Таким образом, в целом положительная оценка возможности обеспечения чисто административных функций тем не менее не вызывает аналогичных положительных оценок в части взаимодействия властных структур с гражданской составляющей социума.
6. Большинство экспертов считает, что во взаимоотношениях Федерального центра и региона устанавливаются строго иерархические отношения господства и подчинения, тогда как для Федерального округа, субъектов РФ и муниципальных органов власти, по мнению экспертов, такие отношения нехарактерны. Часть экспертов (67,7%) отмечает, что развитие взаимоотношений субъектов РФ привело к тому, что

Тюменская область для субъектов РФ является полупериферией. Многие отметили дополнительно, что имеют в виду именно взаимоотношения между субъектами РФ внутри Тюменской области и что центром автономные округа столицу области не считают. Еще 9,7% отметило Тюменскую область как периферию, имея в виду остроту возникающих в данном случае проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фаин А. (Генеральный директор группы «Альфа-Эко») Мы живем по бесперспективной схеме стран третьего мира // Независимая газета. 2001. 6 марта.
2. Шнипер Р. И. Регион: диагностика и прогнозирование / Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск, 1996.

*Татьяна Павловна БЕЛОВА —
доцент кафедры общей социологии
и феминологии Ивановского
госуниверситета,
кандидат философских наук
Инна Николаевна КОДИНА —
студентка 3 курса социолого-
психологического факультета
Ивановского госуниверситета*

ВОЗМОЖНО ЛИ СФОРМИРОВАТЬ УСТАНОВКИ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

В условиях все более глобализирующегося мира толерантность становится важным фактором обеспечения стабильности и устойчивого развития. Эскалация нетерпимости и конфликтов в отдельном регионе теперь может иметь пагубные последствия для человечества в целом. Поэтому вопрос борьбы с проявлениями экстремизма в России — многонациональной стране с огромной территорией — необходимо рассматривать и в международном аспекте.

Традиционно в общественном сознании понятие «толерантность» связывается с понятием «терпимость». В частности, по результатам проведенного нами в феврале 2002 г. пилотажного исследования, в ходе которого было опрошено 70 студентов ивановских вузов (38 юношей и 32 девушки) в возрасте от 17 до 25 лет, так ответил 41 % респондентов.

Однако смысловое значение категории «толерантность» все-таки несколько шире. Например, на это указывает ее этимологический анализ: «... в английском языке *tolerable* можно перевести как сносный, удовлетворительный, а польское слово *tolerancja* — это снисходительность» [1, с. 309]. В первой статье Декларации принципов толерантности, утвержденной резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 года, «толерантность» определяется как «уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений... Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность» [2]. В этой связи нельзя признать ошибочными следующие выбор ответов ивановских студентов: «толерантность — это товарищество» (6%), «толерантность — это законопослушание» (4%), «толерантность — это душевность» (4%).